

Тематические сборники «Переклички вестников»
**Сборник № 110. «Слишком многим руки для объятья ты
раскинешь по концам креста»**

Выпуск № 3

Иван Бунин

На пути из Назарета

На пути из Назарета
Встретил я Святую Деву.
Каменистая синела
Самария вокруг меня,
Каменистая долина
С юга шла – а по долине
Семенил ушастый ослик
Меж посевов ячменя.

Тот, кто гнал его, был в пыльном
И заплатадном кунбазе,
Стар, с блестящими глазами,
Сизо-чёрен и курчав.
Он, босой и легконогий,
За хвостом его поджатым
Гнался с палкою, виляя
От колючек сорных трав.

А на нём, на этом дробном,
Убегавшем мелкой рысью
Сером ослике, сидела
Мать с ребёнком на руках:
Как спокойно поднялися
Аравийские ресницы
Над глубоким тёплым мраком,
Что сиял в Её очах!

Поклонялся я, Мария,
Красоте Твоей небесной
В странах франков, в их капеллах,
Полных золота, огней,

В полумраке величавом
Древних рыцарских соборов,
В полумгле стоцветных окон
Сакристий и алтарей.

Там, под плитами, починут
Короли, святые, папы,
Имена их полустёрты
И в забвении дела.
Там Твой Сын, главой поникший,
Тёмный ликом, в муках крестных.
Ты же – в юности нетленной:
Ты, и скорбная, светла.

Золотой венец и ризы
Белоснежные – я всюду
Их встречал с восторгом тайным:
При дорогах, на полях,
Над бурунами морскими,
В шуме волн и криках чаек,
В тёмных каменных пещерах
И на старых кораблях.

Корабли во мраке, в бурях
Лишь Тобой одной хранимы.
Ты – Звезда морей: со скрипом
Зарываясь в пене их
И огни свои качая,
Мачты стойко держат парус,
Ибо кормчему незримо
Светит свет очей Твоих.

Над безумием бурунов
В ясный день, в дыму прибоя,
Ты цветешь цветами радуг,
Ночью, в чёрных пастях гор,
Озарённая лампадой,
Ты, как лилия, белеешь,
Благодатно и смиренно
Преклонив на чётки взор.

И к стопам Твоим пречистым,
На алтарь Твой в бедной нише
При дорогах меж садами,
Всяк свой дар приносим мы:

Сирота-служанка – ленту,
Обручённая – свой перстень,
Мать – свои святые слёзы,
Запоньяр – свои псалмы.

Человечество, венчая
Властью божеской тиранов,
Обагрив руки кровью
В жажде злата и раба,
И само ещё не знает,
Что оно иного жаждет,
Что ещё раз к Назарету
Приведёт его судьба!

1912

Даниил Андреев

из цикла «Голубая свеча»

То цветущими вишнями,
То ажурными башнями
Упованье народов от земли вознося,
Над просторами вешними,
Городами и пашнями
Вся блистает нетленная, – белоснежная вся.

Ей опорами нежными,
Кружевами подножными
Служат узкие шпили церквей,
С кораблей уплывающих
Ave Mater* тоскующих
К Ней доносит морской тиховой.

Кто падёт иль оступится,
Кто скорбит иль отчаётся,
Кто обидится хмурой судьбой –
Всем благая Заступница,
Пресвятая Печальница,
Всем Защитница в час роковой.

В каменистой Кастилии,
В кипарисовой Умбрии,
И в Тироле, и в бедной Литве
Дева-Мать, как лилия,
Тихо светится в сумраке,
Серебрится звездой в синеве.

Исходила, незримая,
Тюрьма, плахи, побоища,
Персть кровавую бранных полей, –
Защити, Всехвалимая,
В тёмном сердце сокровище,
Росы духа на судьбы пролей.

1955

* Первые слова молитвы, обращенной
к Матери Божьей по-латыни. В Православии
соответственно: Богородице, Дево, Радуйся...
(примечание Д. Андреева)

Выпуск № 841

Зинаида Миркина

Богоматери

И проплывают, словно дым,
Пред тишиной Твоей святою,
Перед спокойствием Твоим
Миры с их вечной суетою.
Все, все прошедшие века,
Все, все исчезнувшие годы –
Как тающие облака
По целостному небосводу.
Ты, точно небосвод, цела
Без разделений, без предела –
Всю нашу боль в себя взяла,
Оставшись неизменно целой.

Есть те глубины бытия,
Которые нельзя разрушить.
И эта целостность Твоя –
Простор, где оживают души.

Максимилиан Волошин

Хвала Богоматери

Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая!
Радость радости земной,
Торжество непобедимое.
Ангельски дориносимая
Над родимую землёй,
Купина неопалимая!

Херувимов всех честнейшая,
Без сравнения славнейшая
Огнезрачных серафим,
Очистилице чистейшая!
Госпожа всенепорочная
Без исленья Бога родшая
Незакатная звезда,
Радуйся, о благодатная!
Ты молитвы влага росная
Живоносная вода!

Ангелами охраняемый,
Цвет земли неувядаемый,
Персть сияньем растворённая,
Глина девством прокалённая,
Плоть рождённая сиять,
Тварь до Бога вознесённая,
Приснодевственная мать!

Ты покров природы тварной,
Свет во мраке, пламень зарный,
Путеводного столба!
В грозный час, когда над нами
Над забытыми гробами
Протрубит труба,

В час великий, в час возмездья,
В горький час, когда созвездья
С неба упадут,
И земля между мирами,
Извергаясь пламенами,
Предстанет на Суд,
В час, когда вся плоть проснётся,
Чрево смерти содрогнётся
(Солнце мраком обернётся)
И как книга развернётся
Небо надвое,
И разверзнется пучина,
И раздастся голос Сына:

«О, племя упрямое!
Я стучал – вы не открыли,
Жаждал – вы не напоили,
Я алкал – не накормили,
Я был наг – вы не одели...»

И тогда ответишь ты:
«Я одела, я кормила,
Чресла Богу растворила,
Плотью нищий дух покрыла,
Солнце мира приютила
В чреве темноты...»

В час последний в тьме кромешной,
Над своей землёю грешной,
Ты расстелешь плат:
Надо всеми, кто ошую,
Кто во славе одесную,
Агнцу предстоят,
Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзённой духом глины,
Без изъята навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного Суда.

Максимилиан Волошин

**Гностический гимн
Деве Марии**

Вячеславу Иванову

Славься, Мария!
Хвалите, хвалите
Крестные тайны
Во тьме естества!
Mula-Prasiti –
Покров Божества.

Дрёмная грёза
Отца Парабрамы,
Сонная Майа,
Праматерь-материя!
Грёза из грёзы...
Вскрываются храмы.
Жертвы и смерти
Живая мистерия.

Марево-Мара,
Море безмерное,
Amor-Maria –
Звезда над морями!
Мерною рябью
Разбилась вселенная.
В ритме вскрывается
Тайна глубинная...
В пенные крылья
Свои голубиные
Морем овита,
Из влаги рождённая –
Ты Афродита –
Звезда над морями.

Море – Мария!

Майею в мире
Рождается Будда.

В областях звёздных
Над миром царит.
Верьте свершителю
Вышнего чуда:
Пламя, угасшее в безднах,
Горит!..

Майа – Мария!

Майа, принявшая
Бога на крест,
Майа, зачавшая
Вечер – Гермеса.
С пламени вещей
Сверкающих звезд
Сорвана дня
Ледяная завеса.

Майа – Мария!

Мы в безднах погасли,
Мы путь совершили,
Мы в тёмные ясли
Бога сложили...

Ave Maria!

1907

Даниил Андреев

Приснодеве-Матери (из цикла «Голубая свеча»)

Пренепорочная. Присноблаженная.
Горней любви благодатное пламя,
Кров мирам и оплот!
Непостигаемая! Неизреченная!
Властно предчувствуемая сердцами
Там, в синеве высот!

Ты, Чья премудрость лучится и кроется
В волнах галактик, в рождении вселенных,
Ближних и дальних звёзд!
Лик, ипостась мирозидущей Троицы,
Вечная Женственность! Цель совершенных,
К Отчему царству мост!

Ты, на восходе культур пронизавшая
Тысячецветные окна религий,
Древних богинь имена!
Нимбами огненными осенявшая
Юное зодчество, мудрые книги,
Музыку и письмена!

Ты снисходила до сердца юного,
Ты для него сквозь синь фимиама
Нежной плыла звездой, —
Не отвергай зазвучавших струн его,
Дальних амвонов грядущего храма
Гимн его удостой.

Сумрачный дух жестокого мужества
Правил народами — в роды и роды
И бичевал их бичом.
Ты лишь Одна оведала содружества,
Пестовала на коленях природы,
Не спросив ни о чём.

Ты нам светила любовью возлюбленных,
Ты зажигала огни материнства
По родным очагам...
Пристань гонимых! бессмертье погубленных!
Благословенные узы единства
И прощенья врагам!

Тихо сорадующаяся! Ласковая!
Лёгок с Тобою путь многотрудный
К наивысочайшей мечте!
Мир многопенный, песни и краски его
Только Тобою прекрасны и чудны
В радости и красоте.

Раньше Ты брезжила в сказках язычества,
Над христианским храмом лампадным,
В ласках живой земли;

Но истекает эра владычества
Яростных, мужественных, беспощадных,
И на заре, вдали –

Как розовеющими архипелагами
Облачного слоистого моря,
Как лепестками миров
Близишься Ты – светоносной влагою
Душу планеты, омыв от горя,
В белый облечь покров.

Меры заменишь новою мерою,
Сбросишь с весов суровые гири
В страшном этом краю...
Верую, Дивная! верую! верую
В Братство, ещё небывалое в мире,
В Церковь Твою.

1950-1955

Выпуск № 523

Зинаида Миркина

Благовещение

И Ангел руку протянул.
И вся тревога, вся шумиха
Куда-то делись. Смолкнул гул,
И стало бесконечно тихо.
Бесшумный Ангел указал
Очам незримую дорогу
Глубоко внутрь, в грудной провал
Куда упало семя Бога.
Посланец опустил крыла
И поднял взгляд свой. И смиренно
Душа в глубины приняла
Святую тяжесть всей Вселенной.

Владимир Набоков

(Евангелие Иакова Еврея, гл. 18)

И видел я: стемнели неба своды,
и облака прервали свой полёт,
и времени остановился ход...
Всё замерло. Реки умолкли воды.
Седой туман сошёл на берега,
и, наклонив над влагою рога,
козлы не пили. Стадо на откосах
не двигалось. Пастух, поднявши посох,
оцепенел с простёртою рукой,
взор устремляя ввысь, а над рекой,
над рощей пальм, вершины опустивших,
хоть воздух был бестрепетен и нем,
повисли птицы на крылах застывших.
Всё замерло. Ждал чутко Вифлеем...

И вдруг в листве проснулся чудный ропот,
и стая птиц звенящая взвилась,
и прозвучал копыт весёлый топот,
и водных струй слышался мне шёпот,
и пастуха вдруг песня раздалась!
А вдалеке, развея сумрак серый,
как некий Крест, божественно-светла,
звезда зажглась над вспыхнувшей пещерой,
где в этот миг Мария родила.

1918

Выпуск № 1257

Владимир Набоков

Овца

Над Вифлеемом ночь застыла.
Я блудную овцу искал.
В пещеру заглянул – и было
виденье между чёрных скал.

Иосиф, плотник бородатый,
сжимал, как смуглые тиски,
ладони, знавшие когда-то
плоть необструганной доски.

Мария слабая на чадо
улыбку устремляла вниз,
вся умиление, вся прохлада
линялых синеватых риз.

А он, младенец светлоокий
в венце из золотистых стрел,
не видя матери, в потоки
своих небес уже смотрел.

И рядом, в темноте счастливой,
по белизне и бубенцу
я вдруг узнал, пастух ревнивый,
свою пропавшую овцу.

1924

Борис Пастернак

Рождественская звезда

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было младенцу в вертепе
На склоне холма.

Его согревало дыханье вола.
Домашние звери
Стояли в пещере,
Над яслями тёплая дымка плыла.

Доху отряхнув от постельной трухи
И зёрнышек проса,
Смотрели с утёса
Спросонья в полночную даль пастухи.

Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,

Оглобля в сугробе,
И небо над кладбищем, полное звёзд.

А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей плошки
В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.

Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.

Она возвышалась горящей скирдой
Соломы и сена
Средь целой вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.

Растущее зарево рдело над ней
И значило что-то,
И три звездочёта
Спешили на зов небывалых огней.

За ними везли на верблюдах дары.
И ослики в сбруе, один малорослей
Другого, шажками спускались с горы.

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали всё пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Всё будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все ёлки на свете, все сны детворы.

Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Всё великолепьё цветной мишуры...
...Всё злей и свирепей дул ветер из степи...
...Все яблоки, все золотые шары.

Часть пруда скрывали верхушки ольхи,
Но часть было видно отлично отсюда
Сквозь гнёзда грачей и деревьев верхи.
Как шли вдоль запруды ослы и верблюды,
Могли хорошо разглядеть пастухи.

– Пойдёмте со всеми, поклонимся чуду, –
Сказали они, запахнув кожухи.

От шарканья по снегу сделалось жарко.
По яркой поляне листьями слюды
Вели за хибарку босые следы.
На эти следы, как на пламя огарка,
Ворчали овчарки при свете звезды.

Морозная ночь походила на сказку,
И кто-то с навьюженной снежной гряды
Всё время незримо входил в их ряды.
Собаки брели, озираясь с опаской,
И жались к подпаску, и ждали беды.

По той же дороге чрез эту же местность
Шло несколько ангелов в гуще толпы.
Незримо делала их бестелесность,
Но шаг оставлял отпечаток стопы.

У камня толпилась орава народу.
Светало. Означились кедров стволы.
– А кто вы такие? – спросила Мария.
– Мы племя пастушье и неба послы,
Пришли вознести вам обоим хвалы.
– Всем вместе нельзя. Подождите у входа.

Средь серой, как пепел, предутренной мглы
Топтались погонщики и овцеводы,
Ругались со всадниками пешеходы,
У выдолбленной водопойной колоды
Ревели верблюды, лягались ослы.

Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звёзды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстие скалы.

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.

Вдруг кто-то в потёмках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на Деву,
Как гостья, смотрела звезда Рождества.

1947

Бахыт Кенжеев

Потому что в книгах старых жизнь ушедшая болит,
всякий миг её в подарок слух и зрение опалит:
вод рассветных переливы, облысевшая гора,
серебристые оливы голубино пера.

Но чудней всего на свете это озеро, смотри,
где закидывают сети молодые рыбаки,
труд и гордость Галилеи – видишь, средь высоких волн
их добыча, тяжелея, накрывает тесный чёлн?

Окликает их прохожий неизвестный человек,
Это сын любимый Божий, друг поэтов и калек.
И на тяжкий подвиг – много тяжелее тех сетей, –
он зовёт во имя Бога незадачливых детей.

И в пророческом зеркале по грядущим временам
ходят ставшие ловцами и заступниками нам,
в вере твёрдой, словно камень, с каждым веком наравне
плещут рыбы плавниками в ненаглядной глубине.

Не горюй, не праздной труса, пусть стоит перед тобой
чистый облик Иисуса в лёгкой тверди голубой,
пусть погибнуть мы могли бы, как земная красота,
но плывёт над нами рыба – образ Господа Христа.

Выпуск № 706

Лев Болеславский

На Землю посланный Отцом,
Ещё не сотворивший чуда,
И не вселившийся покуда

В плоть Иисуса, и Иудой
Ещё не преданный, венцом
Терновым в кровь не уязвлённый,
Ещё к кресту не пригвождённый –
Он, столь возжажданный людьми,
К больной планете приближался.
Готовый к участи ужасной,
Нёс сердце, полное любви.
Он приближался, весь лучась,
Через невидимые сферы,
С одною радостною верой:
Его любовь изменит нас!
И ангел провожал в печали
Его до самых плотных сфер.
И усмехался Люцифер,
Следя за ним из тёмной дали...

Борис Пастернак

Гефсиманский сад

Мерцаньем звёзд далёких безразлично
Был поворот дороги озарён.
Дорога шла вокруг горы Масличной,
Внизу под нею протекал Кедрон.

Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный путь.
Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть.

В конце был чей-то сад, надел земельный.
Учеников оставив за стеной,
Он им сказал: "Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со Мной".

Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь, как смертные, как мы.

Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.

Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.

И, глядя в эти чёрные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом он молил Отца.

Смягчив молитвой смертную истому,
Он вышел за ограду. На земле
Ученики, осиленные дрёмой,
Валялись в придорожном ковыле.

Он разбудил их: "Вас Господь сподобил
Жить в дни Мои, вы ж разлеглись, как пласт.
Час Сына Человеческого пробил.
Он в руки грешников Себя предаст".

И лишь сказал, неведомо откуда
Толпа рабов и скопище бродяг,
Огни, мечи и впереди – Иуда
С предательским лобзаньем на устах.

Пётр дал мечом отпор головорезам
И ухо одному из них отсек.
Но слышит: "Спор нельзя решать железом,
Вложи свой меч на место, человек.

Неужто тьму крылатых легионов
Отец не снарядил бы Мне сюда?
И, волоска тогда на мне не тронув,
Враги рассеялись бы без следа.

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного её величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,

Ко Мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты".

1946

Выпуск № 1404

Георгий Адамович

Но смерть была смертью. А ночь над холмом
Светилась каким-то нездешним огнём,
И разбежавшиеся ученики
Дышать не могли от стыда и тоски.

А после... Прозрачную тень увидал
Один. Будто имя своё услышал
Другой... и почти уж две тысячи лет
Стоит над землёю немеркнувший свет.

Даниил Андреев

из цикла «Голубая свеча»

Сумрачные скалы Галилеи,
Зноями обугленные впрах...
По долинам – тонкие лилеи
Да стада в синеющих горах.

Станный вечер... Край Ерусалима,
Тихий дом. Двенадцать человек.
И Она: слышна ещё и зрима,
Как в ладье, отчалившей навек.

Не ладья – но нищенское ложе.
Не волна – кончина в злом краю.
С каждым мигом призрачней и строже
Лик, сходя в нездешнюю струю,

Просветляется, лучится, тает,
Опрозрачивается, как хрусталь,

И сквозь лик мерцает и блистает
Смертными невиданная даль.

Он сошёл. Он здесь! Он вводит Матерь
На пройденную лишь Им тропу:
Ляжет, как синеющая скатерть,
Мир под невесомую стопу.

Песнею архангелов стихирной
Вечер озаряется, как храм,
И ступени лестницы всемирной
Тихо разверзаются глазам.

Больше нет того, что было тленно:
Завершится ход святых минут –
И ученики, склонив колена,
К ложу опустевшему прильнут.

1950-1955

Выпуск № 994

Александр Блок

Экклесиаст

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда – в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветёт на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.

Идёшь ты к дому на горах,
Полдненным солнцем залитая,
Идёшь – повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли каперса цветы,
И вот – кузнечик тяжелеет,

И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся деревья.

Всё диким страхом смятено.
Стопились в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

1902

Владимир Набоков

Господства

(из цикла «Ангелы»)

Заботлива Божественная мощь.
Ей радостный дивится небожитель.
Оберегает мудро Промыслитель
волну морей и каждый листик рощ.

Земных существ невидимый Хранитель,
послушных бурь величественный Вождь,
от молнии спасает Он обитель
и на поля ниспосылает дождь.

И ангелы глядят, как зреет нива,
как луг цветёт. Когда ж нетерпеливо
мы предаёмся гибельным страстям

и поздняя объемлет нас тревога,
слетает в мир посланник чуткий Бога
и небеса указывает нам.

1918

Зинаида Миркина

«Ничего не надо говорить,
Ничему не следует учить...»
Только слушать, как шуршат листы,
Только взять от Божьей полноты
Толику, чтоб всенесущий Бог
Не совсем под ношей изнемог,
Не упал под тяжестью креста.
Так задача каждого проста,
Так посильна!.. – Только и всего:
Взять себе от полноты Его
Толику. Он переполнен так,
Что всё время льётся свет во мрак
И течёт такая благодать,
Что вот только б душу подставлять.
Понимаешь – только и всего:
Не отъединяться от него.

2001

Выпуск № 910

Зинаида Миркина

А там, в далёких куцах рая,
Где ни луны, ни солнца нет,
Душа горит и не сгорает
И разливает вечный свет.

Всё просто, всё само собою,
И не на срок, а на века –
Разлив великого покоя
И жизни полная река.

И делать ничего не надо, –
Броди и медленно срывай
Плоды с тяжелых веток сада, –
Так просто! Потому и рай!

И всё же каждое мгновенье
Блаженным душам суждено
Вершить свой труд соединенья
Всего со всем и всех в одно.

И потому здесь так немного
Людей, хоть Божий сад велик. —
Ежеминутно возле Бога,
Не отрываясь ни на миг!..

Вниманьем всем, душою всею
Быть вечно з д е с ь, не где-то т а м...
Нет, предпочёл пахать и сеять
И с Божьих глаз ушёл Адам.

Владимир Набоков

Херувимы

(из цикла «Ангелы»)

Они над твердью голубой,
покрыв простёртыми крылами
Зерцало Тайн, перед собой
глядят недвижными очами
и созерцают без конца
глубокую премудрость Бога;
и, содрогаясь вокруг Творца
и нагибаясь, шепчут строго
друг другу тихое: «Молчи!»,
и в сумрак вечности вникают,
где жизнью тонкие лучи
из мира в мир перелетают,
где загораются они
под трепетными небесами,
как в ночь пасхальную огни
свеч, наклонившихся во храме.
И бытие, и небосвод,
и мысль над мыслями людскими,
и смерти сумрачный приход —
всё им понятно. Перед ними,
как вереницы облаков,
плывут над безднами творенья,
плывут расчисленных миров
запечатлённые виденья.

Выпуск № 1031

Анна Ахматова

Кого когда-то называли люди
Царём в насмешку, Богом в самом деле,
Кто был убит – и чьё орудье пытки
Согрето теплотой моей груди...

Вкусили смерть свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима – все прошли.
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утёс, –
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом бессмертных роз.

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти всё готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.

1945

Александр Блок

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь, –
Когда палач рукой костлявой
Вобьёт в ладонь последний гвоздь, –

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, –

Тогда – просторно и далёко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слёз,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывёт в челне Христос.

В глазах – такие же надежды,
И то же рубище на нём.

И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздём.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И чёлн твой – будет ли причален
К моей распятой высоте?

1907

Борис Пастернак

Магдалина

У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Обмываю миром из ведёрка
Я стопы пречистые твои.

Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слёз.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распустившихся волос.

Ноги я твои в подол упёрла,
Их слезами облила, Исус,
Ниткой бус их обмотала с горла,
В волосы зарыла, как в бурнус.

Будущее вижу так подробно,
Словно ты его остановил.
Я сейчас предсказывать способна
Вещим ясновиденьем сивилл.

Завтра упадёт завеса в храме,
Мы в кружок собьёмся в стороне,
И земля качнётся под ногами,
Может быть, из жалости ко мне.

Перестроятся ряды конвоя,
И начнётся всадников разъезд.
Словно в бурю смерч, над головою
Будет к небу рваться этот крест.

Брошусь на землю у ног распятия,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.

Для кого на свете столько шири,
Столько муки и такая мощь?
Есть ли столько душ и жизней в мире?
Столько поселений, рек и роц?

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья дорасту.

1949

Выпуск № 762

Владимир Набоков

Начала

(из цикла «Ангелы»)

На чьём плече, как голубь, спит луна
и чья ладонь под облаком румяным?
Кем ставится стеклянная стена
перед волной, на берегу песчаном?

Гул наших струн, и жизни каждый вздох,
и бред земли – кто, кроме смертных, слышит?
Вот – ночь, вот – день; скажи, кто там колышет
кадило зорь? – Я вижу четырёх:

на четырёх цветных вершинах горных
они стоят, и ты не знаешь, чей
прекрасней лик, и тысяча очей
горят у них на крыльях нежно-чёрных.

Один – всю твердь, как чашу, поднимает,
отхлынуть тот велит волнам морским,

один – земле взывающей внимает,
тот – властвует над пламенем благим.

1918

Максимилиан Волошин

Святой Франциск

Ходит по полям босой монашек,
Созывает птиц, рукою машет,
И тростит ногами, точно пляшет,
И к плечу полено прижимает,
Палкой как на скрипочке играет,
Говорит, поёт и причитает:

«Брат мой, Солнце! старшее из тварей,
Ты восходишь в славе и пожаре,
Ликом схоже с обликом Христовым,
Одеваешь землю пламенным покровом.

Брат мой, Месяц, и сестрички, звёзды,
В небе Бог развесил вас как грозды,
Братец, ветер, ты гоняешь тучи,
Подметаешь небо, вольный и летучий.

Ты – водица, милая сестрица,
Сотворил тебя Господь прекрасной,
Чистой, ясной, драгоценной,
Работающей и смиренной.

Брат – огонь, ты освещаешь ночи,
Ты прекрасен, весел, яр и красен.
Матушка – земля, ты нас питаешь
И для нас цветами расцветаешь.

Брат мой – тело, ты меня одело,
Научило боли, и смиренью, и терпенью,
А чтоб души наши не угасли,
Бог тебя болезнями украсил.

Смерть земная – всем сестра старшая,
Ты ко всем добра и все смиренно
Через тебя проходят, будь благословенна!»

Вереницами к нему слетались птицы,
Стаями летали над кустами,
Легкокрылым кругом окружали,
Он же говорил им:

«Пташки-птички, милые сестрички,
И для вас Христос сходил на землю.
Оком множеств ваших не объемлю.
Вы в полях не сеете, не жнёте,
Лишь клюёте зёрна да поёте;
Бог вам крылья дал, да вольный воздух,
Перьями одел и научил вить гнёзда,
Вас в ковчеге приютил попарно:
Божьи птички, будьте благодарны!
Неустанно Господа хвалите,
Щебечите, пойте и свистите!»

Приходили, прибежали, приползали
Через кусты, каменья и ограды
Звери кроткие и лютые и гады.
И, крестя их, говорил он волку:

«Брат мой, волк, и вьявь, и втихомолку
Убивал ты Божее творенье
Без его на это разрешенья.
На тебя все ропщут, негодуя:
Помирить тебя с людьми хочу я.
Делать зло тебя толкает голод.
Дай мне клятву от убийства воздержаться
И тогда дела твои простятся.

Люди все твои злодеяства позабудут,
Псы тебя преследовать не будут,
И, как странникам, юродивым и нищим,
Каждый даст тебе и хлеб, и пищу.

Братья-звери, будьте крепки в вере:
Царь Небесный твари бессловесной
В пастухи дал голод, страх и холод,
Научил смиренью, мукам и терпенью».

И монашка звери окружали,
Перед ним колени преклоняли,
Ноги прободенные ему лизали.
И синели благостные дали,
По садам деревья расцветали,
Вишеньем дороги устилали,
На лугах цветы благоухали,
Агнец с волком рядышком лежали,
Птицы пели и ключи журчали,
Господа хвалою прославляли.

1919